

И. А. Фукалов

ВОСТОКОВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ О. КАРАЕВА

Омуркул Караев – один из первых исследователей-востоковедов Кыргызстана. Он родился в 1930 году в селе Сайлык Чуйской долины. Окончил исторический факультет Кыргызского государственного университета. В 1963 году в Москве защитил кандидатскую диссертацию на тему: “Арабско-персидские источники XII века о кыргызах и Кыргызстане”. В 1984 году в Ташкенте в Институте востоковедения Академии наук Узбекистана имени Абу Райхан Беруни успешно защитил докторскую диссертацию на тему “История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.)”. О. Караев воспитывался советской школой востоковедения и впоследствии внес большой вклад в дело изучения вопросов этого направления науки.

Арабо-персидские авторы IX–X вв. оставили очень ценные сведения о хозяйственной жизни кыргызов. Опираясь на эти сведения, О. Караев выявил, что кыргызы на протяжении I–II тысячелетий н. э. занимались животноводством, земледелием, охотой и торговлей. Их основным видом деятельности было животноводство. В верованиях преобладал шаманизм. Но имело место и манихейство, поклонение культу Тенгира и духам предков, занимавшее главное место в древних верованиях.

В исследуемые О. Караевым вопросы вошли сведения о торговых путях, городах, аулах и кишлаках, о быте, хозяйстве и культуре кыргызов в средние века. Изучая вышеназванные источники, автор выявил хозяйственную и культурную сторону средневековых эпох. Через исследованные О. Караевым материалы на основе восточных источников можем получить сведения о хозяйственно-культурных особенностях кыргызов и о расцвете оседлой городской культуры. Эти исследования в будущем, несомненно, будут подтверждаться археологическими находками и полевыми материалами. В своих работах О. Караев анализировал сведения, содержащиеся в трудах арабских авторов Ибн Хордадбега (820–912 гг.), Ибн ал-Факиха (X в.), Кудама Ибн Джафара (умер в 958 г.), ал-Истахри (X в.), ал-Мукаддаси (947–1000 гг.), Абу Дулафа (X в.), Махмуда Кашгари (XI в.), ал-Марвази (XI–XII вв.), в произведении неизвестного автора на персидском языке “Худуд ал-алам” (X в.), в трудах персидских авторов Гардизи (X в.), ал-Идриси (1100–1164 гг.), Ибн Бекрана (XII в.), Мухаммеда Ауфи (X в.), ат-Табари, ал-Йакуби, Ибн Руста, ал-Масуди. Из вышеназванных авторов некоторые писали понаслышке, а некоторые добрались до пространств нынешней Средней Азии и писали на основе увиденного и засвидетельствованного. Большинство сведений арабских авторов в свое время переводились на русский язык и нашли отражение в исторической литературе [Караев 1968]. Однако часть их, касающаяся кыргызов, осталась без внимания исследователей. В связи с этим некоторые сведения арабских авторов IX–XII вв. пришлось снова перевести и уточнить. Так как О. Караев начал изучать востоковедческую науку, некоторые источники читал в оригинале. Об одном из основателей русского востоковедения В. В. Григорьеве, который перевел 5-томный труд К. Риттера под названием “Землеведение Азии” и ввел дополнения [Риттер 1873], О. Караев пишет: “Его труды очень значительны тем, что он впервые извлек сведения арабских авторов, связанные

с кыргызами и Кыргызстаном” [Караев 1980, 17]. О. Караев справедливо отметил достижения В. В. Бартольда в исследовании восточных источников. Ученый замечает, что его труды будут оцениваться наряду с его основными заслугами в исследовании истории Кыргызстана, особенно из древних и средневековых источников, охваченных в трудах арабских авторов IX–X вв. [см.: Бартольд 1997].

В решении научных проблем О. Караев не раз обращается к советскому арабоведу И. Ю. Крачковскому, отдавая должное его ценным переводам. В трудах И. Ю. Крачковского исследовалась история развития арабской биографической литературы VI–XVIII вв. [Крачковский 1957]. На основе этих исследований в трудах О. Караева широко отражены ценные биографические сведения об арабско-персидских авторах. Но в сравнении с другими авторами исследования О. Караева о расположении средневековых кыргызов являются результатом тщательного изучения арабо-персидских источников. Научные исследования О. Караева, касающиеся расселения кыргызов на Восточном Тянь-Шане еще домонгольской эпохи, представляют огромный вклад в кыргызоведческую науку [Караев 1977, 28–39].

В 1983 году в результате многолетних исследований О. Караев написал объемную монографию, связанную с историей государства Караханидов. До этого в советской востоковедческой науке не было опубликовано трудов на монографическом уровне на эту тему, хотя и имелся ряд ценных работ, отражающих политическую, социально-экономическую и культурную историю государства [см., напр.: Мокрынин 1973, 99–121]. Одним из первых исследовал историю Караханидов выдающийся ученый академик В. В. Бартольд. Он выявил ряд важных вопросов, связанных с историей Караханидского государства. Продолжая его исследовательскую традицию, О. Караев обращал внимание на малоизученные вопросы истории Караханидов. Остановившись на вышеуказанных историографических вопросах Караханидского каганата, О. Караев вместе с тем проанализировал и показал лучшие стороны исследований некоторых ученых, а некоторых – подверг критике. Ученый акцентировал внимание на том, что управляющие Караханидского каганата были выходцами из династии чигилей [Караев 1983, 33].

Еще одно направление вопросов, исследуемых О. Караевым, связано с анализом исторических источников. Так как ценные источники, принадлежащие к истории Караханидов, охвачены в историко-географических трудах арабо-персидских авторов IX–XII вв., ученый отмечает: “Если сравнительно взять, в вышеназванных источниках имеется много сведений по различным вопросам истории Караханидского каганата” [Караев 1983, 17]. Есть полное основание утверждать, что исследования О. Караева по истории Караханидского каганата занимают достойное место в советском востоковедении. В своем монографическом исследовании ученый широко останавливался на различных вопросах истории вышеназванного государства и оценивал его как один из значительных этапов в истории государственных образований Центральной Азии. На основе исторических источников смог доказать, что во время Караханидов в этом регионе был период расцвета тюркской культуры. Исследования О. Караева относительно монгольского периода, возникновения государств в монгольский период и их политической истории тесно связаны с вопросами политической истории Кыргызстана позднего Средневековья. Из исследований О. Караева следует, что даже если и Монгольская империя распалась, их традиция управления государством сохранилась на примере государства Хайду и Чагатайского улуса [Караев 1981, 91–99]. Вследствие противоречий внутри чагатайцев улус политически ослабел и на историческую арену начали выходить новые управленцы из монгольской верхушки. Одним из них был внук Угедея Хайду [Акимушкин 1975, 88–91]. Наряду с монгольскими управленцами Хайду был сторонником оседлого образа жизни и быта. В его время в стране Масудбек провел денежную реформу. На основе исторических источников достаточно определенно выявлено, что

Хайду был соперничающим правителем за монгольский трон с Хубилаем. С приходом к власти чагатайцев, особенно во время Дувы, была восстановлена бывшая территория государства Хайду хана [Пищулина 1983, 48–51]. Исходя из письменных сведений автора, в истории Средней Азии одним из реформаторов среди монгольских правителей после Хайду был Кебек. До этого в ряде исследований некоторые реформы в улусе Чагатай относили к государству Хайду, в исследованиях же О. Караева приведены доказательства реформ, проведенных Кебеком, которые повлияли на социально-экономическое развитие Чагатайского государства [Туманович 1973, 60–98].

Начало монгольской эпохи на землях Тянь-Шаня привело к изменению политической и этнокультурной картины территории. По сравнению с другими регионами улуса Чагатай здесь были очень большие возможности для развития кочевой жизни. Это обстоятельство обусловило расселение ряда кочевых тюрко-монгольских племен на территории Тянь-Шаня. Однако жизнь древних оседлых районов Средней Азии и Восточного Туркестана протекала по-прежнему. Этот исторический отрезок в развитии государственного объединения Моголистан, несомненно, интересная эпоха, отражающая взаимосвязи и политические взаимоотношения кочевого общества и оседлой культуры, которые сосуществовали в Центральной Азии одновременно.

О. Караев рассматривал выделение Моголистана в самостоятельное государство как продолжение политических кризисов Монгольской империи [Караев 1981, 108–127]. Этот процесс начинался с создания империи Чингисхана, что связано с разделением его потомков – монгольских кочевых аристократов и военной верхушки на две противоборствующие группы. Первая группа (Чагатай, Гуйук, Барак) – сторонники монгольских традиций, а также кочевого образа жизни. Они были нацелены жить за счет эксплуатации оседлых городов, на грабежи и превращение развитых областей земледельческой культуры в пастбища. Вторая группа монгольских кочевых аристократов (Мунке, Масудбек, Кебек) считала, что грабежи оседлого населения не приносят ожидаемой пользы. Они стали сторонниками укрепления централизованной ханской власти, развития сельского хозяйства, ремесла, торговли и городов, были против грабежей культурных областей и сбора налогов, выходящих за пределы нормы. Сторонники первой тенденции располагались в северо-восточных областях Чагатайского улуса, в основном в Жети-Суу, сторонники второй – в Мавереннахре. В результате усиления противоборства этих двух тенденций, – пишет О. Караев, – в первой половине XIV века сложились обстоятельства разделения вышеназванных регионов Чагатайского улуса на два самостоятельных государства (Моголистан и государство Амир-Тимура) [Караев 1980, 69–76].

По мнению О. Караева, причиной тому стало убийство последнего хана улуса Чагатай эмиром Казаганом. После этого в Мавереннахре вначале были созданы несколько мелких владений тюркских эмиров, потом возникло государство Тимура. В восточной части Чагатайского улуса создано государственное объединение Моголистан. Его властвование (Туглук Тимура) началось с восхождением на трон с помощью эмиров дуглатов Пуладчи Туглук Тимура, считавшегося потомком Чагатай. В первой части исследования О. Караев рассматривал вопросы, связанные с основанием государства Моголистан, деятельностью его первых ханов, отношениями с Мавереннахром, нашествиями Тимура на Моголистан [Караев 1973, 23–85]. На бывшей территории Чагатайского улуса жили в основном тюрки и отуреченные монгольские племена. Одна их часть располагалась в Мавереннахре и была известна под названием “чагатайцы”. Самоназвание населения Моголистана было “моголдор”, или же по-местному “могулы”. Последние среди кыргызов были известны под названием “монолдор”, и этот термин подтверждает, что в состав кыргызского народа вошла большая часть племен Моголистана [Вамбери 1873, 66–74].

По О. Караеву, во время создания государства Моголистан монгольские племена в достаточной степени были ассимилированы местным тюркским населением. Например, Тарамширин-хан (1326–1334 гг.) при встрече с путешественником ибн-Баттута говорил на тюркском языке. Процесс тюркизации чагатайцев закончился во время Тимура, тимуридов и Моголистана. Опираясь на сведения исторических источников, О. Караев предлагает называть государство Могулистаном, а его население – могулами [Мокеев 1991, 43–54]. На основе сведений средневековых авторов ученый подробно описывает исторически-географическое положение, границы и области государства Моголистан. Столица государства была расположена в бывшей орде чагатайских ханов в городе Алмалык (развалины города находятся на берегу реки Кеген). В частности, О. Караев уточнил входящие в состав Моголистана области и его границы, исходя из сведений Мухаммеда Хайдара, который писал: “В данное время территория Моголистана вдоль и поперек отнимает семь-восемь месяцев верховой езды: на востоке граничит с калмаками – это Баркуль, Эмил и Иртыш; на севере граничит с Балхашем; а его запад в Туркестане и Ташкенте; а на юге – Фергана, Кашгар, Чалыш и Турфан” [цит. по: Кылычев 2004].

Таким образом, О. Караев был ученым, исследовавшим различные вопросы политической истории вышеназванного государства, также как и В. В. Бартольд, В. П. Юдин, К. А. Пищулина, К. И. Петров, изучавшие историю Моголистана. Так как история Моголистана не ограничена в рамках одной страны, она является историей политической, историко-географической и этнокультурной взаимосвязи соседних территорий. Моголистан остался страной, по которой всегда свободно кочевали кочевники [Ахмедов 1961, 31]. В отличие от предшествующих авторов [Златкин 1983; Иванов 1958], О. Караев, впервые в кыргызской историографии разносторонне исследовал историю вышеназванного государства, глубоко изучил вопросы, касающиеся причин отделения улуса Чагатай от Моголистана, политической истории, населения, этнического состава и хозяйственно-экономического положения государства. На основе исследований О. Караева мы можем изучить историю Моголистана со времени создания государства до начала XVI века. Особенно глубоко О. Караев исследовал население государства и его этнический состав, так как многие монгольские племена вошли в состав тюркских народов: кыргызов, казахов, уйгуров [Караев 1973, 85–106]. В свое время исследователь В. П. Юдин специально обратился к этому вопросу и обозначил необходимость сбора информации из различных источников, для того чтобы восстановить приблизительную картину состава племен Моголистана. Далее В. П. Юдин выявил общий состав могульских племен, встречающихся в исторических источниках [Юдин 2001, 72–95]. О. Караев также исследовал вопросы населения и этнического состава на основе этого принципа, дополнив имеющуюся информацию новыми сведениями.

Во время нашествия Чингисхана в Среднюю Азию, образования улуса Чагатай и государства Хайду из Центральной Азии и Южной Сибири в долины рек Иртыш и Или переселились многочисленные тюрко-монгольские племена. Расположение на этих территориях владений трех сыновей Чингисхана – Джучи, Чагатай и Угэдея – способствовало увеличению количества кочевников. Позднее эти племена создали основу этнического состава населения Моголистана и далее участвовали в процессе возникновения других народов [Туманович 1973, 60–98]. О. Караев пишет, что в письменных источниках сведения об этническом составе улуса Чагатай и государства Хайду почти отсутствуют [Караев 1973, 110–112]. Если взять период Моголистана, то его состав населения не претерпел серьезных изменений. Ценные сведения об этом встречаем в трудах тимуридских историографов, в частности Мухаммеда Хайдара и Шаха Махмуда Чураса. Наряду с упомянутыми племенами, по уточнениям О. Караева, существовали племена арканут (аркануд), арлат (аралат, арулат), барлас, баарын, калук, балыкчи (балыкчы), бекчик, булгачи, долон, дуглат,

духтуй (дохтуй), йарки, калучи, катаган (катакин), каучин, керейит (кераит, керей), кончи (кончу), карлаут, кушчу, озбек-казак, мекрит (меркит), кыргыз, нойгут, урдабеги (ордобеги), чурас (чорос), найман, жалаир и кыпчак [см. также: Якубовский 1932]. По мнению ученого, большинство из них переселилось на территорию Семиречья и Тянь-Шаня, и в результате смешения местных тюркских племен с монгольскими племенами произошло формирование так называемой этнополитической общности могулов [Караев 1973, 120–124].

Важнейшим достижением Омуркула Караева стали исследования происхождения династии Караханидов от племени чигил, которые начал еще В. Бартольд, изучение титулатуры караханидских каганов параллельно с трудами О. Прицака. О. Караевым был изучен широкий пласт научной литературы, позволивший дать четкую оценку в востоковедении по поводу создания ранних тюркских мусульманских государств на территории Средней Азии, им же подробно рассмотрены свидетельства мусульманских источников о кыргызах X–XII вв., чьи земли находились по соседству с турфанскими уйгурами, вдоль северных и западных границ, владений уйгурских идикутов, к востоку от земель карлуков и ягма, к северу от чигилей и к югу от кимаков. Он фактически одним из первых признал отсутствие манихейских и христианских влияний на власть в Средней Азии в дочингизидскую эпоху. В своих исследованиях по государствам Чагатая и Хайду-хана О. Караев дал подробное изложение устройства и истории становления дотимуридских государств в XIII–XIV веках и проанализировал их влияние на становление этносов узбеков, кыргызов и казахов.

ЛИТЕРАТУРА

- Азимджанова С. А. К истории Ферганы второй половины XV в.* Ташкент, 1957.
- Акимушкин О. Ф.* Моголистан, моголы и киргизы в первой половине XVI в. (заметки по политической истории региона) // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.* Ч. 1. Москва, 1975.
- Аристов Н. А.* Усуни и кыргызы. Очерки истории быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001.
- Ахмедов Б. А.* К изучению политической истории Киргизии XV века // *Общественные науки в Узбекистане,* 1961, № 5.
- Бартольд В. В. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер / Түз. Кошумча түшүндүрмөлөр ж-а алгы сөз жазган Ө. Караев.* Бишкек, 1997.
- Бернштам А. Н.* Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. I. Бишкек, 1998.
- Вамбери Г.* История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего по восточным обнаруженным и не обнаруженным историческим источникам / Перев. А. П. Павловского. Т. I. Санкт-Петербург, 1873.
- Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства 1635–1758 гг. Москва, 1983.
- Иванов П. П.* Очерки по истории Средней Азии XVI – сер. XIX в. Москва, 1958.
- Караев О.* Арабские и персидские источники IX–XII веков о кыргызах и Киргизии. Фрунзе, 1968.
- Караев О.* Моголистан и улус Чагатая. Фрунзе, 1973.
- Караев О.* К вопросу о социально-экономических отношениях и о политическом строе в Средней Азии X–XII веков // *Известия Академии наук Киргизской ССР. Общественные науки,* 1977, № 1.
- Караев О.* О населении Центрального Тянь-Шаня и Семиречья в IX–XI веках // *Известия Академии наук Киргизской ССР. Общественные науки,* 1980, № 5.
- Караев О.* История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983.
- Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. IV. Москва – Ленинград, 1957.
- Кылычев А. М.* XIV–XV к-гы Теңир-Тоо жана ага чектеш аймактардын тарыхы (шараф ад-Дин Али Йездинин “Зафар-наме” асарларынын маалыматтары боюнча). Бишкек, 2004.

Мокеев А. М. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызского народа на Тянь-Шане в XVI – сер. XVIII вв. // **Известия Академии наук Республики Кыргызстан. Общественные науки**, 1991, № 4.

Мокрынин В. П. Торговые связи Кыргызстана (VI–X вв.) // **Арабо-персидские источники о тюркских народах**. Фрунзе, 1973.

Петров К. И. **К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами**. Фрунзе, 1961.

Пищулина К. А. **Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – нач. XV вв.** Алма-Ата, 1983.

Риттер К. **Землеведение. Географии стран Азии, находящихся в непосредственном сношениях с Россиею** / Перев. и доп. В. В. Григорьева. Вып. II. Санкт-Петербург, 1873.

Туманович Н. Н. Сочинение Мирзы Мухаммед-Хайдера “Тарих-и Рашиди” как источник по истории киргизов и Киргизии // **Арабо-персидские источники о тюркских народах**. Фрунзе, 1973.

Чимитдоржиев Ш. Б. **Взаимоотношения Монголии и Средней Азии в XVII–XVIII вв.** Москва, 1979.

Юдин В. П. **Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда**. Алматы, 2001.

Якубовский А. Я. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XI вв. // **Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР**. Ч. I. Москва – Ленинград, 1932.